

Вера Петровна Желиховская

Подруги

Вера Желиховская

Подруги

«Public Domain»

1896

Желиховская В. П.

Подруги / В. П. Желиховская — «Public Domain», 1896

«...– А мне, право, кажется, что ты преувеличиваешь. Тебе самой жилось бы лучше, если б ты не портила так отношений к мачехе и её детям.– Ну, про то мне знать! – со сдержанным вздохом возразила Надя. Но в ту же минуту, спохватившись, что резко ответила Вере Алексеевне, обняла ее одной рукой, крепко поцеловала в щеку и продолжала: – Душечка, я, право, не злая и рада была бы, чтоб все иначе было... Но ничто меня не возмущает так, как ложь, а в Софье Никандровне – все лживо, все напускное и деланное! Я бы никогда не могла с ней сойтись лично, но может быть еще ладила бы как-нибудь, если б не эти несчастные дети! Как их ведут? Среди чего они растут?.. Это заставляет меня ненавидеть эту женщину!– Очень скверное чувство! – серьезно сказала Ельникова...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	13
Глава IV	17
Глава V	21
Глава VI	24
Глава VII	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Вера Петровна Желиховская

Подруги

повесть для юношества

Глава I

У себя

Большие парадные покои в доме генерала Молохова с утра приводились в порядок; свечи вправлялись в люстру, бра и канделябры всех величин; в корзинах у окон гостиных, на консолях и в углах большой залы расставлялись цветы, букеты и группы высоких растений. Было семнадцатое сентября, день именин хозяйки дома и падчерицы её Надежды. Софья Никандровна Молохова ждала вечером множество гостей; она давала бал не столько по случаю своего ангела, сколько потому, что Наденьке в тот же день минуло шестнадцать лет, и она непременно желала отпраздновать её совершеннолетие с особым торжеством. Так она рассказывала своим знакомым, таинственно добавляя на ухо некоторым:

– Вы понимаете, что я не так бы старалась для родной своей дочери, но Наденька такая нелюдима, такая бука, что меня, пожалуй, обвинят в том, что я её не приучаю к обществу... Ведь, знаете, мачехи всегда виноваты во мнении сердобольных тетушек и бабушек!.. Меня, я знаю, родство покойной госпожи Молоховой и без того недолюбливает и винит в том, что Надежда Николаевна воспитывалась не дома, а виновата ли я, что с ней ни одна гувернантка не уживалась?.. Вот и теперь: кончила прекрасно курс, с золотой медалью, чего же лучше?.. На что ей восьмой класс?.. Что она, по урокам, что ли, будет бегать? Из-за куса хлеба биться?.. Баловство одно! Рисовка одна только!.. А меня, поди, тоже винить станут, что я не вывожу взрослую девушку... А я что же поделаю, когда она не только о выездах, даже о приличных туалетах слышать не хочет? Заладила свою форму и в будни, и в праздники, и ничем её не переупрямишь!.. Характерец, я вам скажу! Не дай Бог!.. Что я с ней горя терплю – одна я знаю.

Так жаловалась Софья Никандровна своим близким, и все её друзья качали головами и сожалели о её неприятном положении и о тяжелом нраве её падчерицы.

В тот самый вечер, когда у Молоховых шли деятельные приготовления к вечернему приему, – приготовления, в которых родная дочь Софьи Никандровны, Полина, принимала самое горячее участие, Надежда Николаевна, по-видимому, не обращала ни малейшего внимания на общую суету. С трудом удалось ее вытянуть утром в гостиную для приема гостей, которые не переставали подниматься по устланной коврами лестнице в роскошно убранную маленькую приемную госпожи Молоховой (большие были заперты ради особо эффектного убранства их к вечеру); с трудом высидела она обед en famille (в семье), который все же, благодаря наружному этикету, введенному хозяйкой дома, был довольно церемонный, и тотчас же удалилась в свою уютную комнатку, куда поджидала двух гостей, – единственных ей дорогих и желанных: свою кузину Веру Алексеевну Ельникову и Машу Савину, любимую подругу свою по гимназии. Вера Алексеевна была гораздо старше Нади, служила учительницей в той самой гимназии, где кончила курс, но они были очень дружны, хотя Ельникова не любила семьи своего дяди и не бывала почти никогда у госпожи Молоховой. Савина тоже никогда не бывала гостьей в доме генеральши. Эта смуглая, миниатюрная, вечно занятая девушка была всего лишь на несколько месяцев старше своей подруги, но казалась гораздо старше её, потому что ранние лишения и заботы уже провели преждевременную морщинку между её черными бровями и на вид сделали ее неприветливой и слишком серьезной. Она дичилась и сторонилась от всех, кроме близких ей людей, которых было очень мало. Генеральша невлюбила ее с первого взгляда и очень

тяготилась её посещениями. Савина, впрочем, и сама их боялась и, несмотря на настойчивые просьбы Нади, предпочитала видаться с ней в гимназии, в своей крошечной комнатке в квартире матери, а более всего у Веры Алексеевны, где они втроем проводили самые веселые часы. Однако, в этот день они провели отлично время в комнате Надежды Николаевны, которую та тщательно оградила от вторжения своих меньших сестер и братьев. Она угощала своих гостей шоколадом, фруктами и конфетами и совсем было позабыла о неприятных вечерних обязанностях, если б о них ей не напомнила сестра её Полина, постучавшись в запертую дверь и закричав весьма пронзительным голосом, что пора одеваться, что мама причесывает уже парикмахер, что сейчас и их, Полину и Риадочку, позовут завиваться и что мама велела спросить у неё, не хочет ли и она, чтоб ее причесал парикмахер.

– Нет, спасибо, – смеясь, отвечала через двери Надя. – Я сама оденусь и причешусь; мне никого не надо!

– Ну, как хочешь! – отвечала Полина. – Только мама приказала, чтобы ты, как будешь готова, пришла ей показаться. Слышишь?.. Непременно!..

– Слушаю-с. Непременно!.. – насмешливо-недовольным голосом отозвалась старшая сестра. – А теперь иди себе с Богом, тебе пора завивать свои локоны.

Она посмотрела на золотые прелестные часы, подаренные ей в этот день отцом. Всего только восьмого половина: «До десяти я успею пятьдесят раз одеться», – подумала она.

За дверьми раздался смех и восклицание, судя по тону, весьма не лестное для Надежды Николаевны, и Полина удалилась быстрой походкой, свойственной её живой и юркой натуре.

– Зачем ты так недружелюбно обращаешься с сестрой? – заметила Ельникова Наде. – Ведь она только передала слова матери, а Софья Никандровна о тебе же заботится...

– Ах, Верочка, оставь! Ты не знаешь... Ведь это все лицемерно, чтоб пред вами порисоваться и в то же время выведать, что мы здесь делаем?.. Не даром же я на ключ двери заперла. Я знала, что без этого не обойдется!..

– А мне, право, кажется, что ты преувеличиваешь. Тебе самой жилось бы лучше, если б ты не портила так отношений к мачехе и её детям.

– Ну, про то мне знать! – со сдержанным вздохом возразила Надя. Но в ту же минуту, спохватившись, что резко ответила Вере Алексеевне, обняла ее одной рукой, крепко поцеловала в щеку и продолжала: – Душечка, я, право, не злая и рада была бы, чтоб все иначе было... Но ничто меня не возмущает так, как ложь, а в Софье Никандровне – все лживо, все напускное и деланное! Я бы никогда не могла с ней сойтись лично, но может быть еще ладила бы как-нибудь, если б не эти несчастные дети! Как их ведут? Среди чего они растут?.. Это заставляет меня ненавидеть эту женщину!

– Очень скверное чувство! – серьезно сказала Ельникова. – Этим дела не поправишь, и тебе такое отношение к семье не приносит чести. Лучше бы старалась противопоставить свое доброе влияние...

– Ах, полно, пожалуйста! – сердито прервала молодая девушка. – Легко говорить вчуже... Будто бы я не люблю этих детей и не перепробовала все, что в моей власти?..

– Не власть нужна, а любовь, – настойчиво перебила Вера. – Власть у тебя, – ты не можешь жаловаться! – в отцовском доме довольно. Потому-то я и простить тебе не могу твоих отношений к сестрам. Если б ты их умела привязать к себе, так могла бы очень быть им полезна.

– Очень! Нечего сказать... Пробовала я... Про брата и Аполлинарию Николаевну и говорить нечего: они с рождения сами себе и всему дому господа; я от них никогда доброго слова не слыхивала. Да и с Ариадной Николаевной, как ни старалась дружить, ничего не выходит! Риادا вся под влиянием этой лицемерки m-Ne Наке. Клавдя, хоть и нелюбимая, а тоже бедовая, своевольная, капризная девчонка... Все три так избалованы, что к ним и подступиться страшно... Только бедная маленькая Фимочка любит меня, потому что больная; все ею тяготятся, так она, бедняжка, и льнет ко мне... Да и то, вероятно, скоро влияние старших сестриц и брата на ней

скажется. Ариадна и Клава прежде тоже были гораздо лучше, добрее, послушней, а как только подходят к десяти годам – и начинают выказывать фамильные черты маменьки.

– Перестань, Надя! Право, мне это неприятно... Я особой дружбы к твоей мачехе не имею, – ты это знаешь; но нахожу, что с твоей стороны бестактно, даже недобросовестно постоянно ее бранить...

– А ты хотела бы, чтоб я лучше воспевала ей гимны? Уж извини: лгать не умею!..

– Я и не хочу, чтобы ты лгала, но... На все мера и манера. Гимнов незачем воспевать, но без нужды не нужно и осуждать её недостатков. Можно просто помолчать... Хотя из любви к отцу.

– Из любви к нему я во многом себя ломаю и даже часто сама грешу против своей совести, но с вами-то уж двумя, кажется, мне незачем притворяться... Полно тебе читать нравоучения, Вера; мы тут с тобой не ученица с наставницей, а сестры!

И она еще раз поцеловала кузину, схватив ее за талию и, насильно повернув ее кругом себя, смеясь, повалила на диванчик, воскликнув:

– Извольте смиренно сидеть, назидательная азбука!

Ельникова смеялась, качая головой. Улыбалась, глядя исподлобья на эту сцену, и другая гостья, Маша Савина, во все время последнего разговора не проронившая ни слова из уважения к Вере Алексеевне столько же, сколько из любви к своей подруге, на стороне которой она была всегда и во всем.

Надежда Николаевна, усадив таким образом свою родственницу, схватила с окна глиняный цветочный горшок с прекрасно распустившимся кустом ландышей, прижала его к груди и, вдыхая его аромат, воскликнула:

– Ах, прелестный мой цветок!.. Ничего так не люблю, как ландыши!.. Все сегодняшние подарки никуда не годятся в сравнении с вашими двумя.

– Ну, где же сравнивать цветок, от которого через неделю следа не останется, с прекрасными вещами, какие ты получила от своих родных!.. Книга Веры Алексеевны – другое дело.

– Напротив, Манечка, – отозвалась с своего дивана Вера Алексеевна. – По времени года, ваш подарок очень редкая и ценная вещь. Я удивляюсь, где вы могли его достать?

– Я просила брата Пашу мне взрастить. Ведь он служил при казенном саде, садоводству учится, – очень тихо отвечала Савина, почему-то покраснев.

– Славный мальчик! – вскричала Надя. – Какой он красавец! Ты видела его, Верочка?

– Пашу? Да!.. Нынешней весной мне привелось быть в оранжереях: Александре Яковлевне хотелось к именинам букет заказать, так он составлял. Мне его главный садовник очень хвалил... Это хорошее ремесло, и выгодное, – похвалила Ельникова.

– Отец ни за что не хотел меньших братьев отдавать в училище, – объяснила Маша, не поднимая глаз. – С тех пор, как со старшим братом, Мишей, так не заладилось, он решил, что ремеслом вернее прокормиться бедным, простым людям...

– Ну, это он напрасно... Один мог с толку сбиться, но это не причина, чтобы и другим...

Ельникова вдруг спохватилась и замолчала, заметив, что Савина низко пригнула голову и побледнела.

– Не надо, Вера Алексеевна! – отрывисто проговорила она, нахмутив брови. – Умер уж ведь... Все поправил...

– Душа моя, да он ни в чем таком виноват не бывал! – поспешила сказать Ельникова. – Это скорее несчастье, чем вина.

– Понятно – несчастье! – прервала ее горячо Надя. – Попал, бедный мальчик, на одну скамью с негодьями; выдавать товарищей не хотел, ну и был вместе с ними исключен. Другим всем ничего: нашли себе место по другим училищам, а Савину пришлось на чужом пиру похмелье терпеть!

– Бедным людям всякое горе – вдвое! Это уж известно, – сказала Маша Савина, – Вот потому-то и незачем нам в высокие хоромы залетать... После того отец и слышать не хотел о том, чтобы меньших братьев в гимназию отдавать. Пашу из первого класса взял и к садовнику в выучку отдал, а Степу прямо в ремесленную школу...

– Отчего же не вместе обоих?

– А не хотел Павел; обидным ему казалось после гимназии: ведь он учился очень прилежно... А к садоводству он большую охоту имел; еще крошечным ребенком все в земле рылся да огороды устраивал... Может, и выйдет толк, – вздохнув, прибавила Савина, – если пошлют его, как обещают, в училище садоводства.

– И наверное выйдет! – убедительно вскрикнула Надя.

– Разумеется. Знающих людей у нас по этому делу немного – поддержала ее Ельникова.

– Да, – задумчиво продолжала вспоминать Савина, – дорого поплатился за своих приятелей Миша!.. Так хорошо почти первым кончал курс... И потом, как он терзался!.. Работал за четверых, и в доме, и по грошовым урокам в дырявом пальтишке бегал... Вот и схватил тиф!.. Еще хорошо, что скоро его, беднягу, скрутило: не успел отца разорить на лекарства.

– Не люблю я у вас этого резкого тона, Манечка, – ласково заметила Вера Алексеевна.

– Эх, – горько отозвалась девушка, – будешь резкой, как вспомнишь все, что было перенесено!.. Брат, слава Богу, был без памяти, а потом умер, – ему ничего, а что маме пришлось терпеть?!.. Да и теперь еще...

– Что ж теперь-то?

– Как что?.. Ты не знаешь, Верочка, – оживленно заговорила Надя, – ведь старик совсем изменился со смерти сына: бедную Марью Ильиничну поедом с утра до ночи ест, – все в том, что сын так покончил; ее упрекает и в том, что, будто бы, и с Маней то же самое будет...

– Это он с чего взял?

– А вот, изволишь ли видеть, потому что Маня в шестом классе два года оставалась, а того не берет в расчет, что она целую зиму почти в классах не бывала, потому что за больной матерью ухаживала и всю домашнюю работу справляла!.. А теперь?.. Я даже удивляюсь, когда она находит время уроки готовить... Ведь она, как вернется из гимназии, завалена делом: до полуночи сидит – за отца бумаги переписывает. Прежде он сам это делал, а теперь часто болеет, и глаза стали плохи, так он дочь в свое дело впрягает. А ведь если бы Маня теперь в уроках поотстала, он ее одну обвинял бы...

– Ну, этого, благодаря Бога, нет; Савина на отличном счету.

– Да, хорошо, что Бог ей сил посылает...

– Теперь отец добрее стал. Это три года тому назад, как с братом несчастье случилось, он и рвал, и метал. Ведь насилиу мы с мамой его умолили оставить меня доучиваться!

– Да, я помню. Это уж благодаря Александре Яковлевне уладилось, ей вы обязаны, Маня...

Глава II

Сиротка

Часы пробили восемь.

– О, однако прощай, Наденька! – поднялась Ельникова. – Пора тебе одеваться, а нам с Савиной по домам: завтра ведь не праздник.

– Да и мне не праздник: точно так же в восемь часов буду в классе...

– Неужели придешь?

– Понятно, приду. Хоть бы Софьи Никандровны гости меня до пяти часов утра продержали, я все-таки не опоздаю: прямо из бального в форменное платье наряжусь и – в поход!

– Формалистка! – засмеялась Ельникова. Она видимо любовалась своей кузиной и, взяв одну из её тяжелых кос, сказала: – Экие волосы у тебя богатые! Прелесть!..

– Ах, Бог мой! – вскричала Надя, – хорошо, что похвалила, а то у меня совсем из ума вон: ведь ты же должна меня причесать, Верочка, а то мне опять достанется, если я осмелюсь выйти, как всегда, со спущенными косами. Сооруди мне, пожалуйста, какую-нибудь каланчу во вкусе её превосходительства... Ты такая мастерица...

– А ты не можешь без злости обойтись!.. Не стоила бы ты, ну, да уж так и быть! Садись к туалету скорей... Савина, посветите, душа моя, я мигом ее причешу!

И Вера Алексеевна принялась умелыми руками хозяйничать в густых прядях темно-русых Надиных волос.

Савина, державшая свечку за спиной Надежды Николаевны, казалась совсем миниатюрной возле них обеих. Она была не более как по плечо Ельниковой. Издали, в её обтянутой черной кофточке и с обрезанными выщипавшимися темными волосами, ее легко было принять за мальчика. В худеньком её смуглом личике ничего не было выдающегося, кроме темно-карих, почти черных глаз, очень печально смотревших на весь Божий мир. Взгляд их прояснялся редко; почти исключительно, когда она смотрела на своих маленьких братьев или на подругу свою, Надю Молохову, которая имела дар вызывать улыбку на вечно озабоченное лицо Савиной, а в сердце её – теплое чувство доверия и надежды на лучшее. Какой красавицей казалась ей Надя! Для Маши не могло быть в мире большего совершенства, как эта белая, румяная, статная девушка!.. Один взгляд её больших темно-серых глаз, одна веселая улыбка – снимали горе и заботы с сердца бедной маленькой труженицы. Не было таких подвигов и жертв, на которые не покусилась бы Савина, если бы они были нужны её подруге; но она не подозревала, что эта обожаемая ею подруга, так беспечно, по-видимому, и подчас даже требовательно смотревшая на жизнь, сама была готова для неё на многое. В основании характера Молоховой было гораздо более глубины и силы, нежели выказывала её открытая, беспечная наружность; гораздо менее эгоизма и суетности, чем можно было бы ожидать от богатой, балованной отцом девочки, взрослой в такой роскошной и, вместе, беспорядочной до неряшливости среде, как семья Молоховых.

Дело в том, что она в раннем детстве получила другое направление, видела другие примеры, жила с людьми, которые оставили неизгладимое впечатление в уме и сердце её. Когда Надя, после смерти своей бабушки Ельниковой, у которой они росли вместе с Верой Алексеевной, попала в семью своего отца, все ей показалось в ней дико и несообразно. Она привыкла, рано вставать, привыкла к порядку, к занятой, тихой жизни, а её брат и сестры вставали, когда им было угодно, росли в руках бонн и гувернанток, менявшихся беспрестанно, почти всегда предоставлявших детей одной прислуге, исчезая на целые часы из дому вместе с хозяйкой его. Отца своего, вечно занятого службой, Надя видела раз в день, а мачеху нередко по неделям не видывала: та и родных детей своих иногда не посещала по целым дням. Софья Никандровна

была не злая женщина и по-своему любила детей; но она еще больше любила себя и ставила выше всего, особенно в то время, свои светские обязанности, общество, выезды, приемы и наряды, которым отдавала все свое время. Она сама была из очень богатой купеческой семьи. Из плохонького пансиона, по семнадцатому году, она попала, тоже сиротой, без матери, в дом своей бабушки, простой строгой женщины, очень крутого и своеобразного нрава. Старуха держала в руках весь дом, начиная с седоволосого сына, который пред матерью и пикнуть не смел. Если бы Софья Никандровна жила постоянно с ними, она никогда не была бы отдана на воспитание во французский пансион; это устроила мать её, умершая за несколько лет до окончания ею учения. Когда же старуха Соломщикова, передав зятю управление ситцевой фабрикой, которой сама всю жизнь распоряжалась, переехала на житье к сыну, внучка её только что вернулась домой, мечтая о выездах, балах и всяких удовольствиях. Но бабушка круто повернула все по-своему и разрушила все её надежды, заперев ее в четырех стенах и никуда не выпускающая, кроме церкви. За эти три-четыре года характер Софьи Никандровны очень испортился, а врожденные лживость и лицемерие сильно развились необходимостью задабривать бабушку и скрывать от неё многое. Ничего нет удивительного, что, раз вырвавшись на волю из-под опеки, она повела совсем иную жизнь. Но, ожидая еще многого от богатой бабушки, «генеральша», – так все в отцовском доме называли госпожу Молохову, – с ней не ссорилась. Напротив, она старалась ей поблажать: скрывала свою чересчур суетную жизнь, уверяя, впрочем, старуху, что она делает уступку желаниям мужа и требованиям общества, в которое попала чрез него. Вообще она во многом играла двойную игру, и падчерица недаром невзлюбила ее за это.

С первого же года Наденька Молохова стала томиться в новой обстановке, среди беспорядка в родительском доме. Сначала Софья Никандровна задумала было сделать из хорошенькой десятилетней девочки вывеску своей материнской нежности и доброты. Она наряжала ее и хотела держать напоказ в своей гостиной или катать в своей коляске, чтоб все видели, как она добра к этой «бедной маленькой сиротке»... Но «бедная сиротка» оказалась гораздо развитее, сметливее и характернее, чем ожидала того её мачеха: она сразу протестовала против этих выставок так же, как и против роскошных нарядов, к которым у бабушки не привыкла, которые её стесняли. Еще сильнее восстала она против деспотизма гувернантки, приставленной к ней по выбору мачехи. Надя, по привычке, говорила все, что было на уме, вычурной парижанке, приходившей в ужас от её дурных манер и невоспитанности; она не считала нужным слушаться гувернантки в том, что казалось ей дурно и несправедливо. Девочка открыто и смело восстала против неё и прямо направилась к отцу, улучив время, когда он был один.

– Папа, – заявила она, – найди мне другую гувернантку. Я этой не буду слушаться. Она злая, она бьет Марфушу, и меня хотела прибить за то, что я сказала правду. Бабушка велела мне всегда всем говорить правду, а она требует, чтоб я говорила, что я больше люблю татапа, твою жену, чем любила бабушку и Верочку. Я этого не могу! Я не хочу лгать и – не буду ее слушаться...

Николай Николаевич сначала смеялся, пробовал урезонить свою дочку; но та стояла на своем. Вскоре непригодность гувернантки стала очевидной и для Софьи Никандровны, и она ее отпустила. Но и с другими наставницами дело пошло не многим лучше: выходили беспрестанные неприятности. Надя сердилась на них, жаловалась отцу, даже плакала, хотя это не было в её привычках. Само собой разумеется, что и она сама была во многом виновата. Предубежденная из-за своей первой гувернантки, она заранее была раздражена и несправедливо относилась ко всем остальным. Она умоляла отца, чтоб он позволил ей ходить в гимназию, куда Ельникова уже поступила в то время учительницей; учиться у своей милой Верочки, у Александры Яковлевны, начальницы гимназии, которую Надя заранее любила потому, что ее любила Верочка и рассказывала ей, как они были хорошо знакомы с её родной милой умершей мамой. Кончилось тем, что Надя, после одной сцены с последней гувернанткой, m-lle Наке, жившей еще у них и теперь, – сцены, за которую мачеха ее строго наказала, крепко заболела, и отец, испу-

гавшись дальнейших последствий, сдался на просьбы её и советы племянницы и определил ее в гимназию. Там Надя скоро освоилась и пошла прекрасно; она была почти во всех классах первая, до последнего, в котором окончила с золотой медалью. В восьмом, педагогическом, классе она осталась против воли мачехи, заявив ей гораздо резче, чем следовало, что ей необходимо добыть себе права учительницы. Софья Никандровна разобиделась не на шутку, и надо сознаться, что на сей раз она была права. Узнав об этой сцене, Вера Александровна, не обинуясь, заявила своей кузине, что она обязана извиниться пред мачехой, что Надя и исполнила, скрепя сердце, но тем не менее осталась в гимназии. Однако, чувствуя сама свою вину, молодая девушка старалась в последнее время делать некоторые уступки. Так, она безропотно покорилась желанию мачехи отпраздновать её *совершеннолетие* и даже, скрывая неудовольствие, приняла от неё в подарок дорогой наряд и нитку прекрасного жемчуга, которые должна была обновить сегодня.

Очень милостива была в этом бальном туалете Надежда Николаевна, а Савиной она показалась красавицей... Через полчаса она уже стояла готовая, благодаря свою кузину и окончательно прощаясь с обеими своими гостями, когда в дверь, оставленную незапертой вошедшей горничной её, Марфушей, вбежала, с хорошеньким букетом в руках, её вторая сестра, десятилетняя Ариадна. Увидев посторонних, девочка сейчас же замедлила походку, сделала реверанс и, не поднимая ресниц, обратилась к сестре с самым официальным видом и сказала по-французски:

– Матап вас просит сделать ей удовольствие взять этот букет. Она заказала его нарочно для вас...

– Сколько раз я тебя просила, Риادا, говорить со мной просто, без этих вычурностей, во вкусе *m-lle Naquet*! Говори по образчикам её красноречия с другими, если уж это нравится твоей гувернантке, а со мной, пожалуйста, объясняйся проще, – заметила Надя.

Девочка подняла вверх брови и высокомерно возразила:

– Я не умею говорить иначе, нежели говорят в порядочном обществе. Я, кажется, ничего не сказала необыкновенного...

– А я тебе скажу, что ты и теперь, и всегда необыкновенно говоришь и держишь себя, как кукла на сцене марионеток!.. – вспльчиво вскричала Надежда Николаевна. – Уж не знаю, что за манерную дуру ты сделаешь наконец из себя, если за ум не возьмешься и не отучишься от своих претензий!

Вера Алексеевна сжала ей руку, но она не заметила этого предостережения и, выведенная из себя еще больше презрительной гримасой Риады, продолжала:

– Да! Да! Нечего пожимать плечами!.. Если б ты не была маленькая дурочка, ты бы сама понимала, как смешно девочке твоих лет напускать на себя такой тон и важничать, как ты важничаешь. Дай сюда цветы... Скажи маме, что я благодарю ее... Иди!

Ариадна молча отвернулась и с презрительной улыбкой на высоко вздернутом личике пошла было к дверям, но вдруг, словно опомнившись, повернулась и снова отпустила самый изысканный реверанс, промолвив:

– Je vous salue, mesdemoiselles! (Приветствую вас, дамы!)

Движение это и натянутое выражение её детского личика были так комичны, что все три девушки невольно рассмеялись. Ельникова, впрочем, тотчас же закусил губы, тогда как смех Нади оборвался на злобной нотке и она раздражительно вскричала вслед исчезнувшей сестре:

– Комедиантка!.. Совершенная Пимперле!.. Ах, как она меня бесит!

– Да, жеманная девочка, – согласилась Вера.

– И пресмешная, – прибавила Савина. – Неужели ее этому учат?

– Да нет, положим, никто особенно не учит, – отвечала Надя, – *m-lle Наке*, правда, очень чопорна и церемонна, но ведь не сделала же она такой марионетки из Поли или Клавы!.. Это уж врожденная склонность у этой глупой девчонки.

– А Софье Никандровне это нравится?

– О, еще бы!.. Она величается такой бонтоной дочкой. Ах, вот еще напасть – эти цветы держать в руках полсутки!.. А надо взять!.. Не хотелось бы сегодня огорчать папу неудовольствием его супруги.

– Разумеется!.. Да и что ж тут неприятного? Букет не тяжел и очень хорошенький, а ты же любишь цветы...

– Я очень люблю их, но не в таком изуродованном виде.

– Ну, чтоб тебе было приятней на них смотреть, – предложила Савина, – хочешь я вложу в букет несколько ландышей?

– О, ни за что на свете!.. Вот еще, губить ландыши!.. Испортить в два-три часа цветов, которым можно любоваться две недели? Спасибо тебе, Маша!

– Да я для тебя же, – смеялась Савина.

– Ну, пойдемте, пора!.. Прощай, Надя! Желая тебе много танцевать и веселиться.

– Уж без сомнения! – насмешливо согласилась Молохова.

– А главное: не выходить из себя за всякий вздор, быть снисходительнее к сестрам и вообще добрее, – продолжала шутить Ельникова, уходя.

– Ну, этого обещать не берусь; это гораздо труднее!..

Глава III

Братья и сестры

Она проводила их до боковой лестницы, а потом прошла в комнаты детей. Там царствовал полнейший хаос, особенно в детской, где помещались меньшие дети, Серафима и Виктор.

Здоровый, толстый мальчуган Витя сидел на высоком стуле у стола, на котором дети только что пили чай, но теперь он один оставался полным хозяином; нянька его ушла поглазеть на «барышню», а девочка, приставленная к нему «для забавы», тоже отошла к дверям, откуда смотрела на старших барышень, которых гувернантка и горничные уже раздели в пух и прах для вечернего праздника, где им, по-настоящему, совсем не следовало бы присутствовать.

Витя широко пользовался своим одиночеством. Он налил целые озера молока и чаю на столе, облился сам и радостно взвизгивал, заливаясь смехом каждый раз, как ему удавалось, хлопнув ладонью по остаткам чая в блюдечке, забрызгать им сестру. Шестилетняя Фимочка, хотя на два года старше брата, была однако такая больная и слабенькая, что не могла встать или отодвинуться от него. Она капризно хныкала, пугливо вздрагивала, напрасно стараясь закрыть лицо и голову от всплесков чая. Она радостно встретила сестру, которой пришлось водворять порядок, сильно рискуя свежестью своего бального платья. Надя, впрочем, знала из прежнего опыта, что найдет в детской такой хаос и нарочно зашла сюда, чтобы взглянуть на свою любимицу. Она призвала няnek и мамок к порядку, посидела над больной девочкой, когда ее уложили в постель, убаюкивая ее одной из любимых ею сказок, и когда Фима задремала, она вышла из детской, думая, что надо непременно будет заходить в нее временами в течение ночи...

В пустых, ярко освещенных гостиных она нашла только Полю и Риладу, которые вертелись перед зеркалами, любуясь своими разряженными особами, оправляя локоны и банты на головах и платьях. Гувернантки еще не было с ними: она занималась собственным туалетом. Пользуясь свободой, третья девочка, Клавдия, переходила в столовой, где накрыт был большой стол с угощениями, от одного конца его к другому, будто любуясь его убранством, хрустальными вазами и корзинами с фруктами, конфетами и цветами, но на деле не упускала случая стянуть то конфетку, то сливу или кисточку винограда. Надя не пробыла и минуты в гостиной, как услышала отчаянный крик Клавды. Перепуганная, она прибежала чрез ярко освещенную залу в столовую, догадываясь, что лакомая девочка там, и боясь, чтоб она не опрокинула что-нибудь, не ушиблась бы. Но оказалось другое. За Клавдией уже несколько времени наблюдал из-за дверей залы, не замеченный ею, брат Елладий, лет тринадцати, самый старший из детей госпожи Молоховой. Он не захотел упустить случая помуштровать меньшую сестру. Все сестры боялись его и принимались заранее сердиться и прогонять его, как только он приближался; но с двумя старшими он все-таки был милостивее, тогда как Клавдии, менее любимой матерью, часто приходилось от него терпеть. Увидев, что девочка, спеша, чтобы её не увидели, засунула себе в рот сразу целую сливу, он подкрался к ней и схватил ее пребольно за ухо. Клавдия закричала на весь дом...

Надежда Николаевна, войдя в столовую, увидела, что он немилосердно трясет сестру за ухо.

– Оставь ее! – вскричала она.

Мальчик только глазами вскинул на нее и еще сильнее дернул младшую сестренку, так что она пригнулась к самому полу, вся красная, крича во все горло и заливаясь слезами.

Надя решительно подошла к брату и сказала:

– Если ты сейчас же не оставишь Клавды, я позову отца!

Эти слова подействовали. Мальчик выпустил истерзанное ухо, но, дерзко вздернув голову, проговорил:

– Зачем эту дрянь сюда пустили? Она объела все подносы. Если б я не увидел ее, она бы тут все съела!

– Очень жаль, что ты увидел ее, – возразила сердито старшая сестра. – Совсем не твое дело за ней присматривать, и ты не смеешь бить сестер!

– Не смею? – дерзко рассмеялся Елладий. – Нет, я всегда буду драть ее за уши, чтоб не жадничала и не крала!

– Я ничего не крала! – вопила сквозь слезы Клавдия. – Разве это кража, что я взяла одну сливу?.. Мама сама мне дала бы...

– Нечего оправдываться, Клава! – урезонивала её Надежда Николаевна, отирая ей глаза и приводя в порядок платице в то время, как брат уходил из комнаты, посмеиваясь и презрительно поглядывая на них обеих. – Что правда – то правда! Ты жадная и непослушная девочка... Попросила бы, тебе бы и дали, а самой распоряжаться здесь нечего...

– А ведь он и сам ел, Елька-то... Я видела, когда вошла... Он ел!.. Все ел!.. Ему можно, а меня, вон, чуть не до крови побил, злоюка эдакой!

– Нечего браниться, сама виновата!.. Перестань! Вон, слышишь, кто то приехал? Перестань же, а не то я тебя сведу в детскую и не велю пускать сюда...

– Кого это «не пускать»? – спросила, показываясь из внутренних комнат, Софья Никандровна, наконец, привлеченная криком дочери. – В чем дело?.. За что это ты ее так, Надя?.. Сколько раз я говорила, чтобы ты не распоряжалась над моими детьми!

– Вы бы это потрудились приказать Елладию, а не мне, – высокомерно отвечала Надежда Николаевна. – Мне такие замечания не нужны: я никогда не бью детей, а если что либо им замечу, то для их же пользы..

– Надя меня не трогала! – прервала, еще всхлипывая, Клавдия. – Это противный Елька!.. Злой дурак! Негодный...

– Как ты смеешь так бранить брата? – переменяла вдруг тон госпожа Молохова, убедившись, что дело шло не о её старших любимцах, а только о Клаве. – Наверное, ты заслужила! Объедалась, верно, десертом, жадная девочка?.. Пошла в детскую!..

Девочка направилась к дверям, горько заплакав.

– Она уж была наказана, – заступилась Надя. – Елладий надрал ей ухо так, что оно распухло... Не следует позволять и ему так распоряжаться над детьми, тем более, что он сам несколько не благоразумнее меньших сестер и часто их обижает.

– Пожалуйста!.. Я знаю, что ты ненавидишь брата и рада все на него взвалить... Ах, кажется, звонок, а я еще без перчаток!..

Молохова быстро пошла в свою комнату. Падчерица следовала за ней, говоря:

– Я скажу Клаве, что вы ее простили?.. Пусть ее оправят и пустят сюда... Поля и Риادا здесь, за что же ее так наказывать?

– Ах, пожалуйста, не учи меня! – с досадой вскричала мачеха, натягивая перчатки. – Чем о Клавке заботиться, ее оправлять, лучше себя дай оправить. Я еще не осмотрела, все ли в порядке на тебе? Повернись!

– Оставьте, тапан, я не ребенок! – решительно возразила Надежда Николаевна.

– Во многом ты хуже ребенка!.. Где же букет?.. Я тебе прислала!

– В столовой... Я возьму... Во всяком случае, если я и ребенок, то не в том, что касается справедливости к детям... Позвольте мне привести в гостиную Клаву...

Вторичный звонок, а за ним еще два сряду прервали их речи.

– Ах, Боже мой, гости!.. И дамы! – вскричала отчаянно Софья Никандровна, застегивая последнюю пуговицу перчаток. – Ах, отстань, Бога ради! Веди кого хочешь, только меня оставь в покое и сама выходи в приличном виде!

И она величественно направилась в приемные покои. Надя посмотрела ей вслед, покачала полунасмешливо, полуукоризненно головой и поспешила пойти утешить и выручить изгнанную сестренку.

Между тем Аполлинария и Ариадна тоже не бездействовали.

Когда Надежда Николаевна оставила их вертящимися перед зеркалами в гостиной, Полина сказала сестре, которая упражнялась в грациозных реверансах:

– Ишь, как ее мама нарядила!.. Платье её сто рублей стоило! Я сама видела, как мама платила...

– Да, но у неё и в нем такая же вульгарная наружность, – заявила Риادا. – Elle n'a rien de distingué!..(В ней нет ничего элегантно!)

– Платье бы ничего, – продолжала старшая, – у меня еще лучшие будут, но мне досадно, что мама отдала ей свой жемчуг... С какой стати?.. Она ей не родная дочь, зачем же отнимать у своих? Это несправедливо!

– А мне все равно!.. M-lle Наке говорит, что лесные ландыши на хорошо воспитанной особе наряднее, чем драгоценные брильянты на невоспитанной.

– Ну, что там воспитание?... Были бы деньги да красота!.. Дурная – что ни надень, что ни скажи – все гадко, а хорошенькая да нарядная – всегда первой будет.

– Первой будет у дураков! – с убеждением заявила Риادا. – А если она слова не будет уметь сказать умно, не будет уметь держать себя comme il faut – её не потерпят в порядочном обществе.

– Глупости! Богатую да хорошенькую – всюду потерпят! – убедительно возразила живая, хорошенькая Полина, бросив на себя в зеркало очень довольный взгляд.

– Ну, хорошо, – важно согласилась Ариадна, – но ведь ее *только* потерпят, а если она еще ко всему образована, умна, – ее в десять тысяч раз больше будут ценить.

– Очень мне нужно! – решила Полина. – Для меня гораздо важнее хорошо танцевать, на балах разговаривать некогда: все танцуешь!.. Ах, скоро ли пройдет три года!.. Мама обещалась, что в шестнадцать лет будет меня вывозить...

– Да тебе чрез три года будет всего пятнадцать...

– Вот вздор какой! Несколько месяцев... Мне теперь двенадцать с половиной... Ах, да я и до выездов натанцуюсь! Вот и сегодня: я уже на две кадрили ангажирована. Ты знаешь, князь Мерецкий говорит, что я чудесно танцую?.. Он в прошлом году еще, на детских балах, только со мной одной и танцевал...

– С тобой одной? Да ты совсем не хорошо танцуешь...

– Я не хорошо танцую?.. Я?!.. Скажите, пожалуйста!.. Кто ж танцует лучше меня? Уж не ты ли?

– А разумеется. Прошлый раз в лансье m-lle Constance сказала, что я грациозней всех...

– В лансье?.. – расхохоталась Полина. – Очень мне нужно танцевать такие допотопные танцы! Я танцую, как большие. Мне бы вальс, котильон, а не какой-нибудь дурацкий лансье; я и мазурку так танцую, как редко кто умеет!

– Хвастунья!

– Ничуть не хвастунья!.. Я правду говорю... Ты, со своими реверансами да разными грациями, никогда не будешь танцевать так ловко и хорошо...

– А вот посмотрим, кто сегодня будет больше танцевать...

– И смотреть нечего!.. Со мной танцуют наравне, как с большими; я даже буду наверное больше Нади танцевать...

Полина стояла все еще у зеркала. Она вырвала из стоящего в подзеркальнике букета несколько цветов и по очереди прикладывала их то к голове, то к груди.

– Посмотри, Риادا, хорошо?.. Приколоть?

– M-lle Наке говорит, что дети не носят цветов.

– Да, искусственных, а живые – всем можно. Я попрошу у мамы: она мне приколет.

– Ах, как хорошо! – посмеивалась Ариадна. – У тебя совсем нет вкуса! Лиловые или желтые цветы – к пунцовым лентам... Фи, яичница с луком!.. К твоим черным волосам и пунцовым бантам только бы и можно какой-нибудь маленький цветочек.

– Что ж за краса? – протестовала Полина. – Белое платье и белые цветы!..

– Да ведь банты же у тебя яркие!.. Даже и к моим голубым лентам белые цветы хорошо бы было... Ты наверное знаешь, что живые цветы можно надеть?

– Разумеется, можно!.. А помнишь, мы с тобой читали: *les enfants et les fleurs s'assemblent, car ils se ressemblent* (детям идут цветы, потому что они похожи), помнишь?..

– Да, да, это правда!.. Так знаешь что? Я знаю, где достать цветок, который и к тебе, и ко мне будет идти. Хочешь, скажу?

– Скажи! Где?.. Какой?..

Ариадна наклонилась к уху сестры и что-то ей шепнула.

– Ну!!.. – удивилась та. – В самом деле?.. А я не видела!.. Это было бы красиво... Что ж, пойдем сорвем...

– А как она рассердится?

– Вот глупости! Очень мне нужно!.. Пускай... Да чего тут сердиться?.. Мало у нас цветов? Да мама ей завтра десять таких горшочков купит. Пойдем!

И обе девочки, взявшись за руки и оглянувшись в сторону столовой, где еще раздавался плач Клавдии и голоса взрослых, вышли, и побежали по коридору, к комнате старшей сестры...

Глава IV

Печальная весть

Гости начали собираться быстро; к одиннадцати часам бал был в полном разгаре. Среди множества гостей три маленькие девочки совершенно исчезли, так что Надежда Николаевна потеряла их из виду. Исполняя обязанности хозяйки дома, она хлопотала более всего о том, чтобы всем было весело, чтобы все её гости, молодые девушки, непрерывно танцевали. Несколько раз она замечала, что маленькие фигурки её сестер, особенно Полины, очень часто мелькают среди танцующих, – гораздо чаще, чем бы следовало. Раз она подумала, что надо бы отправить всех их спать, но, зная, как враждебно будет принято её замечание, если она его сделает вслух, она не высказала своего мнения. Елладий Николаевич тоже много танцевал и вообще старался держать себя взрослым молодым человеком. Софья Никандровна радовалась, глядя на своих хорошеньких детей, насчет которых гости её то и дело говорили ей комплименты, и вообще была довольна своим удавшимся вечером. Действительно, он очень был оживлен и весел. Даже падчерица её, не особенно любившая танцы, оживилась и была непритворно весела, увлекшись общим удовольствием до того, что чуть не забыла о своем намерении наведаться в детскую. Но, вдруг вспомнив о детях, Надя тотчас же выскользнула из танцевальной залы и пробежала в детскую.

Там все было спокойно; Фимочка и Витя спали; старушка-няня, успевшая уже насмотреться на танцы из дверей коридора, тоже прикорнула возле них. Возвращаясь в залу, Надежда Николаевна была задержана в дверях столпившимися зрителями, глядевшими на вальсировавшие пары. Спиной к ней стояли две дамы, которые разговаривали вполголоса, – разумеется, не думая, что их могут услышать.

– Очень миленькие девочки эти Молоховы, – говорила одна из них. – И танцуют, как взрослые!.. Посмотрите, как летают!

– Да... Но странно, что их держат и одевают так не по летам, – сказала другая. – Им бы давно спать пора, а они нарядились в цветы и порхают в ущерб завтрашним урокам.

– Как в цветы? Неужели в искусственные цветы?

– Вероятно в искусственные. Откуда же осенью взять ландышей?..

– Ландышей?! – невольно вскрикнула Надя, ища глазами сестер. – Где вы видите ландыши?

– Ах, m-lle Молохова, pardon, мы вас не заметили!.. Скажите, неужели па ваших сестрицах живые ландыши?

– Я не знаю, я не видела... На них не было никаких цветов...

– Как же!.. В черных локонах m-lle Полины они очень красивы... Посмотрите, вон она!.. Прелесть, как грациозна.

В эту минуту раскрасневшаяся, счастливая Поля остановилась в двух шагах от них, и Риادا, только что поблагодарившая своего кавалера особенно изысканным реверансом, тоже подошла к ней и начала что-то оживленно рассказывать. У обеих в волосах и на груди белелись уже поблекшие пучки ландышей...

Старшая Молохова не могла сдержать горестного восклицания. Она не сомневалась, что это были её милые, дорогие ей цветы, возвращенные для неё её любимой подругой... Она пожалела сорвать из них один или два в свой букет, рассчитывая, что они будут доставлять ей удовольствие долгое время, и вот теперь они все сорваны и погибли ради удовольствия двух тщеславных девочек, не успев даже никого порадовать своим чудным запахом, своей белоснежной свежестью! «Негодные! Злые девчонки!» – чуть не со слезами на глазах подумала Надя и, не сдержавшись, подошла к сестрам и гневно прошептала:

– Как вы смели ходить в мою комнату и сорвать мои ландыши?.. Идите сейчас за мной!.. Вот я скажу папе, что вы осмелились сделать!

Девочки переглянулись беспокойно. Им очень бы не хотелось послушаться, но её решительный тон и блестящие гневом глаза заставили их задуматься. Они хорошо знали, что им крепко достанется от отца, если дело дойдет до него, и потому, ни слова не говоря, насупившись, проскользнули вслед за сестрой.

– Ага! Кажется, цветы-то были контрабандные! – засмеялась одна из дам, указавших Надежде Николаевне на ландыши.

– Да, – отвечала ей другая, – очевидно, что старшая сестрица позвала их к ответу. Во всяком случае это делает честь m-me Молоховой, что падчерица пользуется таким авторитетом над младшими детьми.

Но говорившая это дама сильно ошибалась; она изменила бы мнение, если бы могла видеть и слышать то, что произошло во внутренних комнатах.

Случилось так, что в это самое время Софья Никандровна выходила сделать какое-то распоряжение, и все три сестры натолкнулись на неё...

– Извольте сейчас же ложиться спать, негодные девчонки! – с пылающими от негодования щеками говорила Надя. – Не доставало еще, чтобы от вас нужно было запираить мои вещи!

– Какие вещи? Эту-то дрянь? – возражали ей маленькие сестры. – Какая невидаль, подумаешь!

– На тебе твои цветы! На! – злобно вскричала Аполлинария, срывая с себя ландыши и бросая ими в Надежду Николаевну.

– Нет, мне их теперь не надо! Что мне в завялых цветах, которые теперь можно только выбросить?.. А вы посмели их трогать! Кто вам позволил идти в мою комнату? Как вы смели их рвать?.. За это вы не вернетесь в залу. Вам давно пора спать. Извольте идти и раздеваться.

– Мы не пойдем! Мы не хотим спать!.. Вот еще! Ты не смеешь нами распоряжаться! С какой стати?.. – с азартом протестовали девочки.

И вдруг, завидев мать, бросились отчаянно к ней.

– Мама! Мамочка!.. Она гонит нас спать! А ведь ты говорила, что мы будем ужинать!.. Не веди ей!.. Позволь нам идти в залу!..

– Что такое? Чего вы кричите?.. – говорила с неудовольствием, ранее чем-то раздраженная, Софья Никандровна. – Что тебе до них, Надя? У них есть гувернантка. Оставь их в покое!

– Я прежде всего желала бы, чтобы они меня оставили в покое! – сердито возразила ей падчерица. – Им и вообще-то не место после полуночи в бальной зале...

– Ну, это мое дело и моя воля! – резко перебила Молохова.

– Нельзя же позволять им безнаказанно воровать чужие вещи?

– Воровать?.. Что это значит?..

– Она говорит, что мы у неё украли вот эти дрянные цветы! – закричала Ариадна. – Разве это воровство?.. Зачем она говорит на нас такие дурные слова?.. Мы просто сорвали у неё цветочек, не думая, что она его пожалеет.

– Особенно после того, как ты, мамочка, ей сегодня столько дорогих вещей надарила, – нашлась практичная Полина.

Надежда Николаевна ахнула от негодования.

– Да разве это может оправдывать ваш поступков? – начала было она; но мачеха сердито ее прервала.

Она доказывала, что дети совсем не думали, что это такой важный поступок – взять несколько цветочков, когда букетами завалены все комнаты; что Надя их обижает и сама роняет свое достоинство, ни с того, ни с сего называя воровством самую извинительную шалость; что наконец она ей купит сколько угодно таких ландышей, но не может позволить ей распоряжаться своими детьми.

– Как вам угодно! – холодно возразила ей Надежда Николаевна. – Вы вольны портить этих бедных девочек, но с этого дня я буду запираю свою комнату на ключ...

– Но я же говорю, что завтра же куплю тебе цветов! – прервала опять Молохова.

– Дело не в цветах; хотя вы не найдете ни за какие деньги в сентябре месяце ландышей...

– Откуда же вы их достали?

– Мне их подарила Савина. Они были нарочно для меня возвращены... Но не в них дело...

– Ну, уж, конечно, главное дело в том, что это подарок вашей драгоценной подруги, этой высокопоставленной девицы.

– Прошу не оскорблять людей, которых я уважаю, – побледнев, воскликнула Надя. – Для меня высокопоставлены все те, кого я люблю, все честные и порядочные люди, какими никогда не будут ваши дети при таком милом воспитании! – добавила она, но тут же раскаялась в своих необдуманных словах: они, без всякой пользы, только рассердили её мачеху.

Надя иногда была несдержанна по молодости и неумению справляться со своими возмущенными чувствами; мачеха же её, несмотря на свои годы, еще меньше могла, да и нужным не считала, владеть собой. Как все плохо воспитанные люди, она не знала меры своим речам. Из-за этого происходили неприятные сцены, в которых потом очень раскаивалась Надя, сознавая, что ей не должно было возбуждать их.

К несчастью, это всегда бывало позднее раскаяние. Оно приносило большую нравственную пользу ей самой, но не могло уже исправить раз сделанного. Так и теперь. Софья Никандровна вышла из себя и наговорила много жестокого и несправедливого. Девочки давно убежали обратно в залу, а старшая сестра их решила, что сама туда не вернется, о чем и сказала мачехе.

Софье Никандровне такое решение было крайне неприятно ввиду неудовольствия мужа, но она уж не хотела ни переменить намерения на счет своих дочерей, ни урезонивать падчерицы.

– Хочешь дурить и всему миру выказывать свой милый характер?.. Что ж, делай, как хочешь, – отвечала Софья Никандровна Наде, – только изволь звать, что если отец рассердится, так ты на себя пеняй, а я детей своих, в угоду твоим прихотям, обижать не буду.

– Вы их гораздо больше обижаете в угоду их собственным капризам! – отвечала Надежда Николаевна и, очень огорченная и сердитая, ушла к себе в комнату, с намерением сейчас же раздеться и лечь спать. Но ей не привелось этого сделать. Едва она заперла свою дверь, как её горничная Марфуша постучалась в неё.

– Не надо! Я сама разденусь! – откликнулась она.

– Да нет, барышня, я не затем... Письмо к вам.

– Письмо?.. – удивилась Надя, поспешно отворила дверь, схватила письмо, разорвала конверт и прочла:

«Бога ради, дорогая Надя, нет ли у вас на балу какого-нибудь доктора?.. К вам привезли Пашу, сильно разбитого: он увал со стены, на пожаре. Кажется, умирает... Два часа отец и Степа бегают в напрасных поисках за доктором. Ради Бога помощи! Твоя М. Савина».

– Кто принес? – спросила Надежда Николаевна.

– Мальчик небольшой. Брат, никак, барышни Савиной.

– Степа?.. Зови его сюда! Скорей, Марфуша! Скажи ему, чтобы он подождал меня здесь: я отвезу его сейчас вместе с доктором. Я сейчас!

В одну минуту Надежда Николаевна была уже в приемных комнатах и вопросительно окидывала их взглядами. Она искала Антона Петровича, их доктора и большого друга её с самого детства. Она с трудом отыскала его в бальной зале, и в самую пору. Доктор, окончив играть в карты, пришел поглядеть на танцующих и уже намеревался незаметно улизнуть домой.

Услышав, в чем дело, он стал расспрашивать, как найти Савиных, но Надя ему и договорить не дала.

– Вы поедете?.. Добрый Антон Петрович! Спасибо вам!.. Погодите, здесь брат этого бедного мальчика... Я сейчас приведу его... Идите и ждите нас в передней...

Велико было удивление доктора, когда, едва разыскав свою шинель, он увидел перед собой мальчика и Надежду Николаевну в теплой тальме и шляпке.

– С нами крестная сила!.. Что вы это, голубушка, задумали? С бала-то?.. Бог с вами!.. Зачем?..

– Не теряйте времени, Антон Петрович!.. Я все равно уж ушла с бала: Софья Никандровна знает и думает, что я легла спать... А я бы не могла заснуть, не успокоюсь насчет Паши... Едемте!.. У вас есть экипаж?

– Есть мои дрожки... Но как же так, право?.. Нам с вами достанется! – протестовал доктор.

– Не вам, а мне, а я к этому привычна! – отвечала Надя, сходя торопливо с лестницы, не подобрав даже своего дорогого бального платья, не из небрежности, а потому, что забыла обо всем, кроме нового горя, постигшего Савиных.

Едва они сели в крытые дрожки доктора и направились в дальнюю часть города, где жили родители Степы, она сейчас обратилась к последнему с расспросами. Оказалось, что он мало сам знал о подробностях случившегося со старшим братом несчастья; некогда было расспросить человека, который привез его с казенного сада полумертвым, а сам Паша ничего не мог передать. Было очевидно только что мальчик расшиблен крепко.

– У соседей их крыша загорелась, он и полез тушить, да не досмотрел как-то, – балка что ли под ним подломилась, он и упал, – говорил мальчик.

– Так он еще и обжегся, пожалуй? – спросила Надежда Николаевна.

– Да, руки и лицо обожжены... Да он на это не жалуется, а вот спина должно быть у него сломана...

– Ну, уж и сломана! Помилуй Бог!.. Просто, верно, расшибся очень сильно, – заметил доктор.

У аптеки доктор велел остановиться, набрал там разных баночек да бинтов и поехал дальше.

Глава V

У бедных друзей

Невеселое зрелище ожидало доктора и Надю в крошечном доме, почти мазанке, где жили Савины. В первой комнате, самой большой, на кожаном диване лежал мальчик лет четырнадцати. Выражение страдания исказило его красивое лицо; смоченные потом выющиеся черные волосы прилипли ко лбу и вискам; губы были плотно стиснуты, чтобы сдерживать стоны, невольно вырывавшиеся из стесненной груди, а глаза блуждали, словно ища помощи. Ему беспрестанно делалось дурно, и тогда бледность еще мертвеннее разливалась по лицу его, длинные ресницы полу опускались, еще страшнее оттеняя, в полусвете нагоревшей свечи, черные круги под ввалившимися глазами. В эти минуты двум женщинам, в страхе стоявшим возле него, казалось, что все уже кончено, что он умирает... Мать отчаянно ломала руки, обращала полные слез глаза в тот угол, где висели иконы. Другая, сестра больного, наша знакомая Маша Савина, вела себя сдержаннее. Она не давала воли слезам, смачивала уксусом виски и лоб брата, давала ему нюхать спирт, и только с возрастающим ужасом в душе порой прислушивалась, не приехал ли кто, не идет ли Степа, не вернулся ли отец, снова ушедший на поиски доктора... Но чем более уходило время, чем более ослабевал несчастный Павел, тем холоднее становилось на душе её, тем сильнее сдавливали ей горло сдерживаемые рыдания. Наконец, и она не могла долее выдержат... Брат её только что открыл глаза после обморока и попросил пить; она поднесла ему одной рукой воду, другой приподняла голову и напоила его; но, когда, напившись, он страшно застонал от боли, которую ему причинило это легкое движение, она с трудом сдержалась и, передав уксус и полотенце матери, выпила в сени, схватилась за голову и вся замерла, откинувшись всем телом к стене. Самые ужасные, болезненные мысли кипели в ней. «Когда же, когда же помощь?.. – выступал ясно один вопрос из вихря её мыслей. – Неужели ни отец, ни Надя – никто не добудет доктора?.. Надя... Да где же ей!.. Где ей заниматься ими!.. У них бал... Еще добился ли до неё Степа? Отдали ли ей записку?.. О! Боже мой, Боже!.. И за что он так страдает, Господи?.. За его же доброе дело... Хотел помочь, других спасти – и вот... Что ж доктор? Когда же помощь?!»

И наконец-то, в ответ на её отчаянные вопросы, раздался стук колес по их тихой, давно заснувшей улице. Все собаки подняли лай на этот непривычный шум. Не к ним ли?.. Кому же ехать здесь ночью?.. Неужели доктор?.. И мигом разлетелись все черные мысли! На душе полегчало, будто уж один приезд доктора должен облегчить её Пашу; она бросилась к дверям.

– Степа! Ты?..

– Я, Маша! Скорее отворяй! Доктор!

– Это мы, Манечка! Я привезла тебе Антона Петровича.

Верить ли своим ушам?.. Сама Надя! В такой час и прямо с бала!..

– О! Спасибо, спасибо тебе, милая!

– Пойдем скорее! Где же бедный Паша?.. Вот сейчас его доктор осмотрит... Даст Бог, поможет ему. Пойдемте, Антон Петрович.

Но Антона Петровича не к чему было торопить: он уже отворил двери в комнату.

Один опытный взгляд на больного сказал ему, что времени терять нельзя.

Павел лежал, как привезли его, совсем одетый.

– Ножницы! – прежде всего потребовал доктор, и тут же, вспомнив, что все при нем, он вынул из кармана портфель с инструментами.

– Кто здесь посильнее, – спросил он, нахмурясь, будто бы сердился, и тут же сурово прибавил, взглянув на Марию Ильиничну: – слез тут не нужно, слезы – лишняя помеха!.. Где отец его или старший брат? Кто-нибудь, чтоб поднять?..

Говоря это, доктор без церемонии разрезывал в длину блузу и всю одежду больного.

– У нас никого нет, – отвечала сестра Паши, Маша. – Отец ушел за доктором... Я помогу вам... У меня довольно силы.

Доктор посмотрел на маленькую, худенькую девушку, на её суровое лицо, дышавшее уверенной решимостью, и не сказал ни слова, только будто с еще большим ожесточением стал кромсать платье больного мальчика.

Мать Паши испуганно глядела на все происходившее. Помимо душевного страдания, она невольно прикидывала в уме, чего ей стоило заработать то, что доктор так беспощадно превращал в клочки. Такое чувство в сердце матери в подобную минуту, пожалуй, многим показалось бы мелочным, но таким счастливым мы только можем посоветовать поблагодарить Бога за свое великое счастье. Тот человек, чьих нравственных бед и страданий никогда не увеличивала бедность, беспощадная нужда, – не смеет считать себя несчастным... Потери и горести – для всех равны, но для бедных людей все они во сто крат увеличиваются невозможностью помочь, облегчить болезнь и страдания средствами, которые у людей обеспеченных всегда под рукой. Нет горше и обидней несчастья, как невозможность доставить необходимое существу, за которое охотно отдал бы всю жизнь свою, всю душу!.. И бедная Марья Ильинична не задумалась бы отдать за сына всю кровь свою и душу, и не пожалела бы о них, а платье его она жалела потому, что не знала – откуда ей будет достать другое...

Надежда Николаевна могла, однако же, отчасти постигнуть, по той тоске, которая ее самое вчуже охватила при виде бедного страдальца, что должно было происходить в сердцах его матери и сестры. Она стояла бледная, крепко закусив губы, и следила за всеми движениями доктора, готовая помочь ему, служить, чем могла, по первому слову.

Доктор осмотрел, ощупал, выслушал больного, расспросил его, па сколько это было возможно, ни с кем не делаясь своими заключениями.

– Его надо поднять, – скороговоркой вымолвил он наконец, снова окинув всех взглядом. – Поднять на простыне!.. Сбинтовать необходимо... Нет ли во дворе кого-нибудь? Мужчины?.. Вы не можете, – тут нужна сила.

В эту минуту со двора послышались тяжелые поспешные шаги.

– Папа! – прошептал Степа, который стоял, прижавшись к уголку.

– Отец! Слава Богу!.. – сказала Маша, выбегая в сени.

– Докторов разве добудишься? – послышался за дверьми суровый мужской голос. – Вот, спасибо, добрый человек, фельдшер из госпиталя пришел со мной... То же, чай, не хуже другого доктора управится...

– Доктор есть! – отвечала Савину дочь его. – Идите скорей! Ему нужна помощь: одному невозможно...

Действительно, приход Савина с фельдшером был как нельзя более кстати. Едва через час они вдвоем с доктором управились над мальчиком, у которого ключица и позвонок оказались сломанными. Доктор приказал всем трем женщинам уйти из комнаты. Увидев, что она не может быть теперь нужна, Надя ушла в самый дальний уголок и даже заткнула уши, чтобы не слышать стонов и криков Паши. Обессиленная горем, Савина беспомощно рыдала, охватив плакавшего Степу, прижимая к себе его голову. Одна Маня не поддавалась горю. Мужественно борясь со своими чувствами, она, казалось, окаменела у порога комнаты, в которой бинтовали больного. Она первая вошла, как только стоны его утихли, наклонилась к его помертвелому лицу, но не смела еще верить, что страдания его унялись. Радостно забилося её сердце, когда Паша ей слабо улыбнулся и прошептал:

– Теперь лучше, славу Богу...

– Лучше! Лучше! – поддержал его доктор. – Разумеется! А завтра, как спеленаем тебя в лубки, еще легче станет... Теперь, того... Надо бы его на кровать... Ему тут неловко. Есть кровать? – обратился он к Маше.

– Есть! Я сейчас постелю... Только как же перенести?

– Ну, это не ваша забота! Давайте сюда, рядом поставим, и на этой же простыне его переложим.

– Какую же кровать-то? – в недоумении шепнула ей мать, которая прислушивалась из другой комнаты. – Нет, ведь, лишних-то...

– Как нет? А моя! – отвечала ей Маня, поспешно вынимая из комода чистое белье.

Через несколько минут Павел был осторожно переложен на постель сестры и закрыт её одеялом.

– Ну, теперь хорошо! – отрывисто, по своему обыкновению, заявил Антон Петрович и вынул свои часы. – Завтра я буду часов в десять утра. Опять тебя помучу немножко, – ласково обратился он к больному, – по зато после хорошо будет. Ничего!..

Он отдал необходимые приказания фельдшеру, который оказался из той больницы, где он сам был доктором, и сказал Наде:

– Ну, барышня, едемте по домам! Скоро белый день. Достанется нам завтра на орехи от Софьи Никандровны! – И широкая улыбка осветила обыкновенно серьезное, но добродушное лицо доктора.

– Тебе и прилечь не на чем сегодня? Завтра-то я пришлю тебе кровать и постель, – на прощание шепнула Надя своей приятельнице.

– Спасибо тебе! За все спасибо! – горячо отвечала Маша. – Мне ничего не нужно! Сегодня я и не прилягу: над ним буду сидеть, а потом я как-нибудь устроюсь, – не беспокойся.

– До свидания, Паша! – ласково сказала Надежда Николаевна больному. – Завтра приеду, наведаюсь о тебе... Даст Бог, скоро поправишься!

Мальчик перевел свои большие удивленные глаза па барышню, которой бальный наряд казался столь странным в этой бедной комнатке. Он, казалось впервые ее заметил.

– Надежда Николаевна тебе доктора привезла! – пояснила ему сестра, поняв его вопрошительный взгляд.

– Благодарю вас, – прошептал Павел, все еще не совсем понимая в чем дело.

Глава VI

Бедному всякое горе – вдвое!

Молохова и доктор уехали. Домик Савиных погрузился в тишину. С полчаса еще слышался недовольный голос старика Савина, ворчавшего на жену, на судьбу, на неосторожность сына, навлекшего на себя и их такую беду, но скоро равномерный храп сменил его воркотню. Степа свернулся на своей кровати, не раздеваясь, и даже сама Марья Ильинична, измученная горем, истомленная за весь день-деньской работой, прикорнула на диване, возле сына. Не спала одна Маша. Она села к столу, на котором они обыкновенно обедали, тут же, возле брата, затемнила от него маленькую лампу и усердно принялась кончать к завтрашнему дню урок, прерванный давеча приездом больного. Она оставляла свое занятие только затем, чтобы поглядеть на него, дать ему напиток, поправить на нем одеяло. Поила она его осторожно, с ложечки: доктор приказал не поднимать ему голову. Павел лежал, как пласт, по временам забываясь; но скоро у него сделался жар и бред, не дававший им обоим покою до самого белого дня. Когда, часам к семи, он задремал, Маша вышла в их кухню, вздула угли, поставила самовар, умылась и, уже совсем готовая идти из дому, разбудила мать.

– Вы уж не посылайте Степу в училище, – шептала она ей, – может быть, не обойдетесь без меня, так пусть добежит до гимназии и скажет швейцару, а он меня вызовет. Может и послать его куда придется... Папа ведь на службу уйдет... Я бы не пошла, да уж очень важные у нас сегодня занятия. К полудню вернусь.

Она уже хотела идти, когда мать нагнала ее в сенцах.

– Ах, что ж это я, совсем голову потеряла?.. Ведь у меня ни гроша! Ты говорила, у тебя еще есть пять рублей?

– Есть, – затаив вздох, ответила Маша. – А разве... У него уж ничего нет?

– Не знаю, милая! Ты знаешь, каково мне у него выспрашивать, да просить... Говорил вечер, что этот месяц до жалованья страсть как трудно дотянуть будет; больше, говорит, как по рублю на день никак не могу давать... А тут вот какой грех вышел!.. Приедет доктор, что-нибудь понадобится, лекарство, али что... Не стал бы отец артачиться... Крутой он стал ныне, сердитый... Чтоб не потревожить еще Павлушу...

– Не дай Бог, маменька!.. Нет, уж вы не допускайте. Я вам сейчас отдам пять рублей. Вы их так для Паши и держите. А если что... Я после... достану... «Надо будет Надин подарок продать! – шевельнулось в уме её. – Что ж делать? И браслет продам, и без теплого останусь, лишь бы брат выздоровел».

Она достала из своей шкатулочки деньги, которые копила себе на теплый бурнус, и отдала их матери.

– Будить, что ли, отца-то? – спросила шепотом Марья Ильинична, косясь на спавшего мужа.

– Да, ведь и ему скоро в должность, – пора.

Маня разбудила отца, остановила его сердитый возглас спросонку, напомнив о болезни Паши, о позднем часе и службе; и только уверившись, что все благополучно, отец не сердит, а больной продолжает дремать спокойно, наконец вышла из дому.

Гимназия была в центре города, далеко; но Савина шла быстро и поспела вовремя, к первому звонку. В коридоре ее встретила высокая, полная дама, начальница гимназии, и очень удивилась.

– Вы пришли, Савина? – сказала она. – Как же так? А брат?.. Лучше ему?

– Он стал спокойнее после того, как его сбинтовали, благодарю вас Александра Яковлевна. Но...

Она остановилась на полуслове.

– Но – откуда я знаю? – догадалась начальница. – Мне написала Наденька Молохова.

– Написала?.. Так она не пришла?

– Нет, она нездорова, но так, пустяки!.. Идите же, идите, пора!

«Надя нездорова! Чем?.. Александра Яковлевна говорит – пустяки!.. Чтобы это значило?» – Эти мысли, заодно с беспокойством о брате, все время не давали покою Савиной. Никогда не бывала она так рассеянна в классе, как теперь.

В перемену она, узнав от швейцара, что за ней из дому не присылали, разыскала Ельникову, чтоб расспросить о Молоховой. Она боялась, не простудилась ли Надя во время своей ночной поездки в бальном платье. Ельникова успокоила ее: Надя не больна, а крепко рассердилась и огорчилась сценой, которую ей сделала мачеха. Из-за этой домашней передраги она запоздала и решила не прийти в гимназию. «Во-первых, – писала она Вере Алексеевне, – потому, что от бессонницы у меня красные глаза, а я совсем не желаю, чтобы в гимназии думали, что я заплакана, а во-вторых, потому, что Маша Савина наверное одна в доме не управится, так уж я лучше пойду к ним».

– Так она у нас?.. Ей опять достанется от мачехи! – воскликнула Савина.

– Да, наверное, – согласилась Ельникова. – Она только так говорит, что глаза её покраснели от бессонницы, а сама просто плакала.

– Вы думаете? – испуганно спросила Савина. – Значит, произошло что-нибудь особенно неприятное? Она, ведь, не любит плакать...

Звонок прервал их разговор, и молодые девушки разошлись по классам.

Между тем у Савиных все шло гораздо благополучнее, чем ожидала Маша и её мать, заранее тосковавшая в виду предстоявших больших расходов, которых, пожалуй, невозможно будет и сделать. От недостатка средств уже погиб её старший сын, этот бедный труженик, горько оплакиваемый ею до сих пор. Миша был бы, может быть, жив, если бы была возможность побережь его, одеть потеплее в холодную зиму, взять хорошего доктора, когда он заболел, – и вот сгинул мальчик! При одной мысли о том, что, вероятно, и теперь доктор не захочет к ним ездить, увидав их бедность, тоскливо сжималось сердце бедной Марьи Ильиничны. Она сидела одна возле сына: муж ушел на службу, Степа вышел купить денную провизию. Савина, убрав посуду, взялась за изрезанное накануне Пашино платье, прикладывала куски к кускам, печально качая головой в напрасных соображениях над возможностью поправить беду.

Надежда Николаевна застала ее над этой работой в слезах. Бедная женщина и удивилась, и обрадовалась ей, и совсем растерялась, рассыпаясь в благодарностях.

– Доктор еще не был? – было первым вопросом Молоховой.

– Нет еще, не бывал... Да, может, он и не будет, – как бы про себя проговорила Савина, торопливо сметая пыль с дивана, со стола, очищая место неожиданной гостье.

– Как можно!.. Непременно будет, Антон Петрович такой аккуратный...

– Само собой, но... Может быть, им не охота тратить время на бедных людей, ведь они... Ведь мы... Рады бы душой, да что поделаешь?..

Марья Ильинична совсем спуталась и бросилась к сыну, беспокойно застонавшему.

– Что, Павлушенька, чего хочешь?.. Нету дома Маши, она сейчас с уроков вернется... А что тебе, голубчик? Болит что?

– Пить хочу, – прошептал иссохшими губами больной, устремляя лихорадочно блестящий взгляд на молодую девушку, которая стояла неподвижно, соображая.

Пока Савина суетилась возле сына, Надя выскользнула в сени и на крыльцо. При её появлении привстал сидевший в сенях человек. Она узнала в нем фельдшера и спросила, принесли ли он все нужное, – все, что приказывал ночью доктор.

– Все есть, все привес, – успокоил он ее.

– А... что это стоило? – осведомилась Надя, сама не зная почему, краснея.

– Да я так взял, на имя Антона Петровича... По ихнему, значит, приказанию отпустили.
– Хорошо... А вот вам за труды, – еще более краснея, прибавила девушка, подавая ему рубль. – Пожалуйста, смотрите за Павлушей хорошенько и все аккуратно делайте, что прикажет Антон Петрович... Вот, кажется, и он...

Надя вышла на крыльцо и увидела доктора сходящим со своих дрожек.

– А вы уж опять здесь? – изумился он, улыбаясь. – Неугомонная барышня!.. Что, крепко досталось за ночную прогулку, или скрыть удалось?

– Это не в моих привычках! – отвечала Надежда Николаевна. – Я никогда ничего не скрываю... Всего было, – прибавила она, не совсем весело улыбаясь. – Да не в том дело!.. Антон Петрович, дорогой! Послушайте: вы ведь знаете, что Савины очень, очень бедные люди?

Серенькие глазки доктора беспокойно забегали.

– Ну, так что ж?.. Я им не наследник.

– Нет, – засмеялась Надя, взяв его за обе руки, – вы не сердитесь!.. Я ведь знаю, что вы добрый... А дело в том, что, пожалуйста, делайте все, все, что нужно для Паши, не стеснясь, а... Им ничего не говорите, понимаете? Эго уж наше с вами будет дело... Хорошо?

– Хороню, хорошо, прекрасно! Только не задерживайте меня, беспокойная барышня! – отшучивался доктор.

– Нет, в самом деле! – настаивала вполголоса Надя, идя за ним в сени. – Вы его вылечите, милый, дорогой Антон Петрович?.. Да?... Для меня!

– Для вас-с? – вдруг сердито обернулся к ней доктор, остановясь и глядя на нее в упор, нахмутив брови. – Совсем не для вас, а для него и... для себя самого! Чего вы пристали?..

Если б Надя не знала его с детства, она могла бы сконфузиться, но, знакомая с его манерами, она только рассмеялась в ответ на его сердитое движение. Да доктор и сам улыбнулся, ласково взглянув из-под сдвинутых бровей, и спешно прошел в комнату. Он осмотрел Пашу, расспросил его и Марию Ильиничну, прописал лекарство, сделал на рецепте особую пометку и послал с ним вернувшегося с базара Степу, направив его в известную аптеку, где ему должны были выдать лекарство: – «пока даром, – объяснил он, – а после сочтутся через меня».

– Да ты знаешь, молодец, садись-ка ты в мои дрожки и прикажи кучеру себя свезти... Федотов, – обратился доктор к своему фельдшеру, готовившему гипс, – скажите, пожалуйста, кучеру. Так-то скорее будет!.. А мы, пока он съездит, спеленаем больного.

Павлушу обложили гипсом, лубками и сбинтовали ему плечо и спину так ловко, что он и голосу не подал. Савина и Надежда Николаевна, приготовившиеся снова слышать стоны, были очень удивлены и обрадованы тем, что дело обошлось на сей раз так счастливо.

Доктор сам дал лекарство мальчику, объяснил матери, как с ним обращаться, как его поворачивать с одного боку на другой – не иначе, как на простыне, чтоб сам он не делал ни малейшего движения, и то не часто, потому что ему всего полезнее лежать на спине.

– Я буду заезжать каждое утро, – сказал он на прощание – но если что заметите особое, если он будет жаловаться или беспокоиться, присылайте немедленно за мной.

Доктор сказал свой адрес и затем обратился к Надежде Николаевне:

– Прикажете отвезти вас домой? – спросил он. Она рассмеялась, не очень, впрочем, весело.

– Нет, уж благодарствуйте!.. Меня сегодня и то вашим помощником окрестили и в сестры милосердия советовали идти, а уж если я с вами кататься еще стану, так Софья Никандровна мне окончательно проходу не даст.

Антон Петрович покачал головой.

– Я сказала папе, что вернусь только к обеду – и так я сделаю, – добавила Надя.

– Ну, а он что, Николай-то Николаевич, не сердился?

– Когда я объяснила ему, в чем дело, разумеется, он не сердился... Но прежде ему так представили все, что он очень встревожился... Э, впрочем, все равно! – махнула она досадливо рукой. – Не привыкать мне к домашним удовольствиям, вы это знаете, Антон Петрович!

– Знаю я, знаю, что одна моя знакомая барышня – очень беспокойного характера особа: нетерпеливая, непокорная, своевольная, – шутил доктор.

– Ну, и знайте себе па здоровье, если уж вы обидчик такой несправедливый! – возразила ему Надежда Николаевна.

Доктор уехал, а Надя, уговорив Савину уйти и заняться, как всегда, своим хозяйством, села у окна – сторожить больного и поджидать возвращения подруги. Павлуша очень ослабел и все время почти дремал. Степа то уходил к матери на кухню, то принимался твердить свой урок; разговаривать с ним не приходилось, так что волей-неволей молодой девушке нечем было рассеять своих грустных размышлений. Впрочем, они были скоро прерваны появлением её горничной Марфуши с целым транспортом: она привезла железную кровать с тюфяком и постелью для Маши Савиной, и они принялись её устанавливать. На все восторженные благодарности Марьи Ильиничны Надя только повторяла:

– Какой вздор! Стоит ли говорить об этом?.. У нас в кладовой еще две таких стоят без употребления!

Это была сушая правда, но только те кровати с постелями так и продолжали стоять в кладовой генеральши Молоховой: она не позволила падчерице их тронуть, а кровать с постелью, привезенная Марфушей, Надежда Николаевна просто купила на собственные деньги... Когда Маша вернулась домой, она нашла уже все в порядке в своем углу, и даже гораздо лучше и нарядней. Благодарить словами она не умела, но горячее поклонение её подруге еще более усилилось с того времени.

Глава VII

Добрый друг

В течение долгой болезни и медленного выздоровления брата ей пришлось, действительно, многим быть обязанной Наде, – так многим, что и половины услуг её Савины сами не знали. В продолжение полутора месяца почти не проходило дня, чтобы молодая девушка не навещала семьи своей подруги и чтобы она не старалась делать все, что было в её возможности, для устройства и удовольствия их. Сначала мальчики и сам старик Савин дичились её немного, стеснялись её присутствием; но она всегда была так проста и ласкова в обращении, так неприязнительна, что вскоре все к ней привыкли. Кроме того, что дружба её имела в материальном отношении самое благотворное влияние на жизнь семьи, – влияние, которое она умела распространить так деликатно, что оно не только не оскорбляло ничьей гордости, но в большей части случаев не замечалось Савиными, – частые посещения Молоховой хорошо отзывались на внутреннем быте семьи и в другом, нравственном отношении. Она развлекала и ободряла в больного мальчика, и забитую горестями жизни мать его; она облегчала многие заботы её и Маши, незаметно снимая с них множество домашних работ и обязанностей, – то занималась с меньшим Савиным, то отбирала у них шитье, уверяя, что дома пропадет со скуки от безделья, то, покончив свои занятия ранее подруги, приходила, садилась за её рабочий столик и переписывала за нее бумаги для старика Савина. А уж чтения её, вечерние её чтения у кровати Павлуши, вокруг которой собиралась вся семья его послушать, – сколько удовольствия они приносили! Когда был досуг, и Маша, оставляя уроки и переписку, садилась с шитьем возле матери и слушала часто давно ей знакомые вещи с таким удовольствием, как будто не имела понятия о произведениях наших славных писателей. Дело в том, что обе подруги не столько следили за бессмертными рассказами Гоголя, Пушкина, Лермонтова, сколько за тем впечатлением, которое они производили на мальчиков, не имевших о них представления, и на старших, быть может, и слышавших из них что-нибудь когда-то, но успевших утратить о них воспоминание в жизненных дрязгах и печалях. Удивительно освежающее, благотворное впечатление производили эти чтения Надежды Николаевны! Она охотно их возобновляла бы чаще, но не всегда хватало времени. Все же раза два в неделю ей удавалось соединять ими всю семью, к величайшему своему удовольствию и несказанному счастьем старшей сестры. Разделяла его до известной степени и мать Савиных. Она, помимо всех других обязательств, была втайне более всего благодарна Молоховой за то спокойствие и душевный мир, которые частое присутствие девушки как бы внесло во внутренний их быт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.